

УДК 316.75

## Идентичность социальных групп молодежи и идеология в социокультурном измерении: теоретико-методологические основания концептуализации



### **Зинурова Р.И.**

Доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности Казанского национального исследовательского технологического университета



### **Тузиков А.Р.**

Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного, муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

*В современных обществах наблюдается явление множественности идентификаций. При исследовании проблем идентичности большим эвристическим потенциалом обладает концепция идеологии. В то же время современные идеологии часто имеют химерический характер. Поэтому функциональным представляется ставить вопрос о конфигурации идентичностей. Эвристическим потенциалом обладает также концепция социальных солидарностей, фокусирующая возможности возникновения различных конфигураций идентичности групп молодежи.*

*Ключевые слова: идентичность, социальные группы молодежи, идеология, теории идеологии, социокультурный подход, молодежь.*

В современном академическом и общественно-политическом дискурсах проблематика идентичности в целом и молодежи в частности занимает одно из ведущих мест. Это вполне объяснимо, учитывая, что идентичность и ее конфигурации прямо влияют на мировоззрение, социальное самочувствие и в конечном счете на социальные действия и практики как отдельных социальных групп, так и на социум целых стран и регионов.

Социокультурное измерение общественных явлений неразрывно связано с трендом отказа от рассмотрения «человека вообще», «индивида» в пользу подходов, акцентирующих ведущую роль культуры в развитии общественных институтов, группового и личностного поведения. Важнейшими социокультурными характеристиками идентичности являются мировоззрение и идеология. Мировоззрение – одна из ключевых социальных характеристик личности

и социальных групп, образующих общество. Мировоззренческие установки, кроме общей «картины мира», имеют и идеологические составляющие, которые проявляют себя в процессах социальной идентификации, репрезентации, рационализации социальных действий и статусных притязаний.

Взаимосвязь категории «идентичность» и концепции «идеологии» была впервые выдвинута американским ученым Э. Эриксоном в контексте рассмотрения проблематики становления личности. Не случайно работа называлась «Идентичность: юность и кризис». Трактую идентичность как ролевую и идеологическую адаптацию к меняющимся этапам развития человеческого «Я», Эриксон четко проводит линию на изменчивый характер идентич-

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00303 «Конфигурация новой российской идентичности молодежи: тенденции и региональная специфика».

ности и одновременно подчеркивает, что юность – это важнейший период развития мировоззрения и связан с поисками ответов на вопросы типа: «Кто я? Кем я хочу быть? Кем я не хочу быть?». Кризис идентичности, о котором так много говорилось после распада СССР, проявляет себя именно в утрате доверия к прежней идеологии. Для его преодоления так же требуется новая идеология как «неосознанный набор ценностей и посылок, отражающий религиозное, научное и политическое мышление» [1, с. 85].

Если на макрогрупповом уровне функционирование идеологий связывалось с легитимацией социальных интересов, то на индивидуальном и микрогрупповом уровне их проявление социологическая наука связывала с самосознанием (самоидентификацией) и функционированием стереотипов. Самоидентификация рассматривалась прежде всего как «социальное Я», которое представляло собой символическую связь между личностью и социальным окружением. Идеология в данном случае представляла собой важнейший способ самоидентификации посредством символических конструкций, с помощью которых личность или группа определяли себя в рамках социального контекста. Изучение идеологии в контексте понятия «идентичность» характеризовало феминистскую социологию мультикультуралистов и постмодернистов.

Понятие «идентичности» приобрело особое значение в рамках социокультурных исследований проблем этничности и гендера, сексуальных и расовых меньшинств. Идеология в данном случае трактуется как средство репрезентации и конструирования идентичности. Термин «идентичность», во многом сходный с понятиями «самость» и «самосознание», имеет определенную идеологическую нагрузку. С одной стороны, он обладает реифицирующим (овеществляющим) потенциалом, придавая онтологический оттенок тому, что существует только в контексте социокультурных взаимодействий. Это особенно наглядно проявляет себя в случае с использованием данного термина для анализа проблематики гендера, нации и этноса. С другой стороны, проблема легитимации групповых идентичностей (особенно в рамках новых социальных движений) предполагает использование идеологических техник и, следовательно, делает использование концепции «идеологии» вполне функциональной.

Большинство идеологий задают схемы интерпретаций не только социальных действий и явлений, но и схемы конструирования идентичностей. Кто такие МЫ и кто такие ОНИ? А чаще всего, почему МЫ – хорошие, а ОНИ, мягко выражаясь, не очень. Последний вопрос характерен, прежде всего, для ситуаций конфликта. Подобные базовые предпосылки, безусловно, оказывают влияние на «мнения» и НАШЕ отношение к НИМ в стандартных ситуациях социальных взаимодействий. Национализм

всех оттенков способен координировать чувства и «мнения» социальных групп, разделяющих националистические ценности и националистические убеждения касательно меньшинств или иммигрантов. Все это может проявляться в контекстах проблем занятости, образования, мест проживания и предоставления гражданства. Практически главной когнитивной функцией идеологий является организация специфических групповых (или общенациональных) установок и отношений.

Схема групповой идентичности, определяемая идеологиями, может выглядеть в виде цепочки вопросов типа:

- Кто принадлежит к НАМ и почему? (групповая принадлежность);
- Что, как и почему МЫ должны делать? (целевая активность);
- Каково НАШЕ место в обществе и взаимоотношения с другими группами? (позиция);
- Что МЫ имеем в своем распоряжении, а чего нет? (какие ресурсы).

Конечно, ответы на эти вопросы могут иметь различные оттенки и полутона ввиду особенностей социализации того или иного члена группы. Например, отдельные представители группы могут быть более ортодоксальны или «продвинуты», чем другие, но это не меняет существа дела. Наконец, человек может принадлежать к нескольким группам одновременно и даже исповедовать несколько идеологий, каждая из которых по-своему влияет на социальную практику в зависимости от ситуации. Сегодняшняя эпоха дает нам немало примеров функционирования почти химерических с традиционной точки зрения образований типа эко-феминизма, эко-фашизма или социал-либерализма. В то же время стержневая в конкретной ситуации идеология группы может выражаться в дискурсе. Примером является скрытая коннотация в дискурсе этнонационализма, что меньшинства не могут быть патриотами и, следовательно, допускаться к управлению государством [2].

Если кратко рассмотреть основные теории идеологии, то они прямо или косвенно указывают на заметную роль идеологии в процессах идентификации. Причем это одинаково присуще как традиционному марксизму (с его учением о классовом сознании, фактически классовой идентичностью), так и постмарксистским теориям, включая постмодернские опыты. Так, например, в теории идеологии Л. Альтюссера (французский неомарксизм) идентифицирующий механизм идеологии воплощается в технику интерпелляции, фактически вопроса «Кто я? С кем и против кого?» [3]. Для К. Гиртца [4], развивающего антропологический подход, идеология предстает символической реальностью, которая влияет на идентичность, задавая интерпретации совместной активности членов общества. То

есть идентичность группы и ее членов в данном ключе можно трактовать как идеологически заданные схемы интерпретаций совместных действий и их результатов. Выглядит это примерно так: МЫ – те, кто делает то-то и то-то, для того-то и того-то и это правильно и необходимо. Естественно, действия подкрепляются символами и ритуалами, которые обретают «вещный смысл» и самооценку (демонстрации, одежды и т.п.). Как справедливо отметила А.Г. Санина, «Задача исследователя, таким образом, заключается в определении совокупности признаков, которые сами люди считают значимыми и воспринимают в качестве маркеров принадлежности к своей или другой группе» [5, с. 5].

Феноменологический и социолингвистический поворот в социологии (постструктурализм. П. Рикер, П. Бергер и Н. Лукман и др.) привнесли с собой идеи дискурсивного конструирования социальной реальности. Не остались в стороне и проблемы идентичности. Один из классиков школы *Cultural Studies* С. Холл подчеркивал, что идентичность чаще всего оказывается конвенциональной и случайной. Он ввел понятие «дискурсивная идентичность», отмечая, что в современном обществе любая идентичность «проявляется в игре особых модальностей власти и, таким образом, является в большей степени продуктом производства различия и исключения, чем знаком идентичной, естественно-конституированной общности "идентичности" в ее традиционном значении» [6, р. 11-17].

Язык в его социально-символическом значении дискурсивных конструкций (что, как, где и кем говорится, а о чем принято умалчивать) стал рассматриваться важнейшим инструментом формирования социальных отношений. Одновременно язык является пространством и инструментом действия идеологий. Соответственно, и идеологический дискурс можно рассматривать как инструмент идеологического конструирования идентификаций. Примерами могут быть названы феминистский дискурс, дискурс национализма, дискурс экстремизма и т.п.

Множественность идентификаций может проявляться в одновременном сочетании национальной (гражданской) и этнической (этнокультурной) идентичности, например, американец итальянского происхождения. Соответственно, в таком случае вызовом является конструирование общегражданской идеологии, позволяющей сочетать обе данных идентичности. О возможности такового сочетания писал еще Т. Парсонс [7], настаивая, что «поддержание единства нации не требует "растворения" этнических групп в национальном сообществе, а для преодоления этнической конфликтности требуется укрепление общей гражданской основы современной нации».

Множественные идентичности в какой-то мере способствуют лучшей адаптации, так как трата од-

ной идентичности не влечет за собой полного саморазрушения, так как это бы происходило при «одно-модальной» идентичности.

Множественность (плюрализм идентичностей) отражает множественность и иерархичность социальных ролей, которые должен выполнять человек в современных обществах, да еще и в условиях постоянной динамики перемен. Идеология в данном случае может выполнять функцию некой системообразующей и противостоящей хаотизации силы. Однако, мир современных идеологий также не строго иерархизирован.

Согласно теории словенского ученого С. Жижека [8, с. 93], «идеологическое пространство» сегодня полно «плавающих означающих» (*floatingsignifiers*), не сопряженных между собой понятий с открытым смыслом типа «свобода», «демократия» и т.п., а также неких «идеологических пристежек», задающих более конкретный смысл и интерпретации (например, порядок или справедливость).

Например, идеология феминизма может выступать как в социалистической, так и в либеральной версиях и даже в экологическом варианте. Это – результат пристежки «плавающих означающих» (или идеологом). В этом случае возможно создание даже химерических конструкций. А само создание конструкций, позволяющих вовлечь одновременно множество идеологов их в свою орбиту, и есть суть современной идеологической борьбы.

В результате «химерических идеологий» возникают и химерические идентификации, выстраивающие и структурирующие идентифицирующие маркеры в контексте «идеологических пристежек». Как, например, можно трактовать сегодняшнюю «демократическую фейсбук-глобальную идентификацию» с национализмом самого фашиствующего толка? Новым демократизмом или глобальным национализмом?

Семантическое поле понятия «идентичность» пересекается с понятием «солидарность», которое отражает сопричастность и готовность к действиям в составе группы, с которой происходит идентификация. Развивая данный подход, российский ученый Е.Л. Омельченко обращается к новым формам социальности российской молодежи и отмечает, что «в его фокусе – характер внутри- и межгрупповых коммуникаций, которые рассматриваются в качестве наиболее значимых для образования разделяемой *своими* групповой идентичности и определения демаркационных линий, отграничивающих своих от чужих» [9, с. 52]. Данный подход позволяет заглянуть через границы, разделяющие группы со сходной идентификацией, причем не только через территориальные границы (а Интернет их стирает), но и социально-культурные.

В проведенных под ее руководством исследованиях были обнаружены «значимые идейно-цен-

ностные векторы, стержни открытой или опосредованной солидаристской коммуникации юношей и девушек, принадлежащих к разным субкультурам, движениям, группировкам..., из разных социальных сред и образовательных опытов. Их можно условно расположить внутри некоего ценностного континуума, как пространства особых притяжений и отталкиваний, согласия и напряжений. Если векторы обозначить условными полярными друг другу альтернативами, то они будут выглядеть следующим образом: Воинственность (агрессия) – Пацифизм; Порядок (лояльность) – Анархизм; Авторитаризм – Демократия (либерализм); Национализм/ксено/гомофобия – Толерантность; Патриархат – Гендерное равенство; Восток – Запад; Про – антипатриотические настроения; Про – антимигрантские настроения; Про – антикапиталистические настроения; Потребительство (гламур-хипстер) – Аскетизм» [9, с. 59].

Таким образом, и здесь проявляется влияние идеологических дискурсивных конструкций, определяющих ценностное отношение к идентифицирующим практикам и «солидаристским коммуникациям». Сама концепция идеологии, на наш взгляд, сохраняет свой эвристический потенциал при исследовании проблематики, связанной с конфигурациями идентичности современной молодежи.

### Литература:

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
2. Тузиков А.Р. Концепция идеологии и идеологического дискурса в современной социологии – методология исследования социокультурных особенностей молодежного экстремизма в мировом пространстве // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 17. – С. 222-229.
3. Althusser L., Ideological State Apparatuses / in S. Zizek (ed.), Mapping Ideology. – London: Verso, 1994. – P. 100-140.
4. Geertz C. Ideology as Cultural System / in Ideology and Discontent, ed. D. Apter. – Glencoe: The Free Press, 1964, Chapter 2. – P. 47-76.
5. Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 3-11.
6. Hall S. Who Needs “Identity”? // in Hall S., Gay P. (eds). Questions of Cultural Identity. – London: Sage, 1996. – 198 p.
7. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М: Художественный журнал, 1999. – 236 с.
9. Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 52-61.

## Identity of Social Groups of Youth and Ideology in Socio-Cultural Framework: Theoretical and Methodological Grounds for Conceptualization

*R.I. Zinurova, A.R. Tuzikov  
Kazan National Research Technological University*

*One of the characteristic features of modern societies is pluralism of identifications. The conception of ideology has the biggest heuristic potential in the process of analyzing the identity. On the other hand, some modern ideologies are chimerical, therefore it seems sensible to raise the question of identities configuration. Moreover, heuristic potential is characteristic for the conception of social solidarities which focuses possibilities of formation of various configurations of youth groups' identity.*

*Key words: identity, social groups of youth, ideology, theories of ideology, socio-cultural approach, youth.*

